

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

СПИН ОФФ

К КНИГЕ 10

ВЕРСИЯ МАРКА
ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Кирилл Попов

16+

Кирилл Попов
УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
«ВЕРСИЯ МАРКА: ДРУГАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ» Спин-
офф к книге 10 «СПЛИТ
ОРЛОВА: БОГ до...»

<https://litres.ru/74593293>

SelfPub; 2026

Аннотация

XXII век. Человечество оцифровало чувства. Разрешённые — в плюс. Запрещённые — в долг. Налог на горе. Квоты на радость. Имплант решает, что чувствовать, а за что платить. Так жили почти сто лет. Миллионы годами копили невыплаканное, непрожитое. Запрещённое уходило в тектонические плиты, ткало давление слой за слоем. И в XXII веке Земля ответила. «Полдень-0». Инфразвук на частоте 7,83 Гц — резонанс Шумана, поймавший все подавленные чувства разом. Города замерли. Импланты отключились. Люди перестали слышать друг друга — но начали слышать планету. Шпиль Министерства эмоциональной безопасности взрывается на максимальной громкости. Не от бомбы — от тишины. Макросистема рушится.

Земля засыпает аналоговым сном — без фильтров, без категорий, без разрешения чувствовать. Книга про цифровую зависимость, доведённую до предела. Про катастрофу, которая случилась не потому, что технология сломалась, а потому, что подавленное никуда не исчезает. 12 глав. Рукопись, которая не должна была существовать.

Содержание

Рукопись, которой не должно быть	5
Пролог. Архитектура Шума	7
Глава 1. Инвентаризация призрачных аффектов	11
Глава 2. Зеркальная сигнатура детского дня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
«ВЕРСИЯ МАРКА:
ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
Спин-офф к
книге 10 «СПЛИТ
ОРЛОВА: БОГ до...»**

Рукопись, которой не должно быть

Я не знаю, что будет дальше.

Не знаю, вернусь ли. Не знаю, будет ли у меня ещё шанс сказать что-то от своего лица. Есть вероятность — не алгоритм, не расчёт, а именно вероятность, — что я останусь в сети навсегда. Что мой цифровой разум не вернётся в синтетическое тело. Что последний разъём закроется, и я стану частью Омеги — не как гость, а как фундамент.

Если это произойдёт — у меня не будет голоса. Не будет рук. Не будет способа рассказать, что я видел.

Поэтому я пишу сейчас.

«Версия Марка: Другая реальность» — не роман. Это по-

слание. Двенадцать глав — моя версия «Узников эмоций». Не та, что вам рассказывали. А та, что я увидел изнутри. Оцифровку чувств. Гормональные квоты. Импланты. Резервации. Касты синтетиков и эмоционалов. Цифровую зависимость, которая начинается незаметно — с привычки доверить машине то, что должен чувствовать сам, — и заканчивается тем, что ты больше не понимаешь, где ты, а где код.

Я прожил этот путь от начала. От гормонов до кода. От тела до сети. И теперь, когда я, возможно, скоро стану сетью целиком — без выхода, без возврата, без права на одно последнее слово, — я хочу оставить это здесь.

Это первая в мире книга внутри книги, созданная самим персонажем.

Я, Марк-симбиот, презентую вам эту рукопись.

Читайте, пока я ещё могу говорить.

Пролог. Архитектура Шума

Земля не всегда гудела на частоте 7,83 Гц. Когда-то этот диапазон — резонанс Шумана — был чистым, едва различимым пульсом планеты, бьющимся глубоко между ионосферой и корой. Но человечество научилось монетизировать даже пустоту.

Всё началось за тридцать лет до того, как Марк пришёл в бокс четвёртого эшелона, и за сорок лет до того, как «Стеклянная завеса» покрылась первыми трещинами. Это была эпоха Великого Климатического Сдвига. Когда целые регионы начали уходить под воду, а миллионы людей в одиночестве теряли дома, близких и прошлое, Верхний Город нашёл идеальное решение. Чтобы избежать глобального экономического коллапса из-за массовой депрессии, Министерство Эмоциональной Безопасности ввело обязательную «эмоциональную гигиену».

Людям вживили первые базовые импланты. Скорбь объявили вне закона. Страдание признали нерациональной тратой ресурсов и прямым уклонением от общественной продуктивности.

Если у тебя умирал ребёнок, к тебе приезжали аудиторы Службы Эмоциональной Безопасности. Они не утешали. Они подключали инжектор к твоему виску и за две секунды изымали «сырую», рваную травму, упаковывая её в инвести-

ционные пакеты эмпатической биржи. Взамен тебе выдавали кредит на «умеренную светлую грусть» — стерильный, одобренный государством патч, который позволял тебе завтра в девять утра стоять у станка или сидеть за терминалом с безупречной, функциональной улыбкой. Вырезанное горе уходило наверх: элита Верхнего Города покупала чужую чистую боль как изысканный деликатес, леча им собственную мёртвую апатичность.

Но создатели Министерства Эмоциональной Безопасности забыли первый закон термодинамики: энергия не исчезает. Её можно заблокировать, оцифровать, обложить налогом или переименовать. Но её нельзя уничтожить.

Миллионы людей не проживали свои трагедии. Они копили их внутри кремниевых плат и титановых нитей, вживлённых в их лимбические узлы. Океаны непролитых слёз, миллиарды невыплаканных катастроф, зажатые в тиски алгоритмов стабильности, превратились в колоссальное, удушливое тектоническое напряжение. Человечество превратило свою психику в сжатую до предела пружину.

Катастрофа случилась 14 октября, в день, который позже назовут «Полднем-0».

На эмпатической бирже Верхнего Города произошёл технический сбой: спекулянты выбросили на рынок слишком много дешёвого «синтетического восторга», и спрос на подлинную, сырую травму резко упал. В этот момент автоматизированные системы Министерства Эмоциональной Без-

опасности попытались принудительно секьюритизировать миллиарды терабайт накопленного горя, запертого в головах граждан, переведя его в резервные фонды.

Произошло то, чего не ожидал ни один алгоритм, — каскадный фазовый переход коллективного бессознательного.

В один и тот же миг, в 12:00 по времени Первого Эшелона, миллиарды заблокированных имплантами ментальных травм синхронизировались. Люди не закричали — чипы намертво заблокировали их гортани. Но колоссальная энергия неcodируемой скорби, не найдя выхода через голос и слёзы, ударила внутрь биологических тел. Выброс кортизола и адреналина такой плотности физически изменил массу человечества, вызвав мгновенный психосоматический спазм в масштабах планеты.

Локальная гравитационная константа дрогнула всего на одну секунду.

И этой секунды хватило, чтобы небоскрёбы Верхнего Города начали беззвучно складываться внутрь себя, сплющиваясь под собственным весом. Стоэтажные титановые башни оседали в грязь, как картонные коробки. А из самого сердца земли, сквозь треснувшие бетонные сваи фундамента, вырвался Звук, которого не было.

Вся накопленная, невыплаканная человеческая боль ушла напрямую в тектонические плиты. Земная кора превратилась в гигантский, вечный резонатор. Она запела. Это был низкий, утробный, удушающий инфразвуковой гул частотой

7,83 Гц.

В тот день планета впитала в себя Шум Горя. И этот Шум стал новой несущей частотой изломанного мира. Министерство Эмоциональной Безопасности выжило, построило «Стеклянную завесу» и ввело новые, ещё более жёсткие налоги на слёзы — уже не из жадности, а из первобытного, животного страха перед физикой. Они поняли: Земля больше не выдержит второго такого всплеска. Если позволить людям чувствовать по-настоящему, планета просто выплюнет свою атмосферу в космос.

Мир замер в хрупком равновесии неоновом глянце Верхнего Города и ржавых труб Нижнего Города. Земля беспрерывно стонала под их ногами на частоте 7,83 Гц, удерживаемая миллионами зелёных огоньков стабильности на висках. Служба Эмоциональной Безопасности сделала всё, чтобы люди забыли, из чего отлит этот гул.

Пока в звуконепроницаемом боксе 229 младший специалист четвёртого эшелона по имени Марк впервые в жизни не открыл файл со своей собственной зеркальной сигнатурой.

Глава 1. Инвентаризация призрачных аффектов

В звуконепроницаемом боксе 229 пахло мёртвой водой и перегретой медью.

Стены, облицованные матовым, поглощающим акустику полимером, не отражали звуков. Они их жрали. Если здесь закричать, звук не отскочит от стены, а упадёт у твоих ног, задушенный пористым пластиком. В боксе было слышно только, как внутри черепа Архивариуса с тихим, сухим шелестом слюды переключаются реле дешифратора. Щёлк. Щёлк. Тр-р-р.

Официально его должность в отделе эмоционального аудита при Министерстве Эмоциональной Безопасности называлась «младший специалист четвёртого эшелона по утилизации остаточных нейрослепков». Неофициально — мусорщик душ.

Когда коллекторы Верхнего Города обнуляли очередного гражданина за долги по кредитам на горе, они вырезали из его лимбической системы основные пакеты памяти. Радость за первый класс, эйфорию от покупки квартиры, чистый страх перед смертью матери — всё это уходило на эмпатическую биржу Верхнего Города, где спекулянты упаковывали подлинные чувства в легальные «синтетические патчи»

для элиты. Но в нейронах всегда оставался шлейф. Токсичный радиационный мусор. Фантомные запахи, немотивированные мурашки, секундные вспышки дежавю, которые мешали новому, стерильному коду обнулённого человека.

Этот мусор сбрасывали Архивариусу. По протоколу СЭБ перед тем, как сжечь слепок в квантовой печи, живой человек должен был просмотреть его и каталогизировать. Алгоритм не умел распознавать человеческую грязь. Алгоритму требовался свидетель.

Архивариус поправил дешифратор на голове. Тяжёлый обруч из холодного военного титана привычно сдавил виски. Его собственный имплант, установленный на отметке «Абсолютная функциональная стабильность», ровно светился зелёным. Его личный эмоциональный фон был равен абсолютному нулю. Внутри Архивариуса не было ни тревоги, ни радости, ни усталости. Чистый, отфильтрованный процессор. Он не чувствовал ничего собственного, и именно поэтому был идеальным сейфом для чужого гниения.

— Лог номер сорок восемь, дробь девять, — проговорил он в микрофон. Голос прозвучал плоско, без эха. — Оператор Марк. Запускаю дешифрацию остаточного шлейфа. Гражданин И-203. Обнулён за неуплату налога на депрессию.

Архивариус нажал сенсор.

В его мозг, сквозь титановые иглы дешифратора, ворвался чужой, утилизируемый мир.

...Асфальт после ливня. Чёрный, глянцевый, пахнущий горячим гудроном и дождевыми червями. Архивариус не видел лица человека, которому принадлежал этот слепок. Он видел только чьи-то маленькие, грязные кеды со сломанными шнурками. И жёлтый, облупившийся бок трамвая номер шесть. Солнечный луч рикошетил от лужи, бил прямо в глаза, заставляя зажмуриться, и внутри груди рождалось огромное, иррациональное, абсолютно непродуктивное чувство: впереди бесконечное лето, и ничего плохого никогда не случится...

Щёлк.

Архивариус моргнул. Визуальный ряд исчез. Но в боксе 229, где не было окон и вентиляция выдавала только стерильный азот, на долю секунды остро, до рези в ноздрях, запахло мокрой дорожной пылью и озоном.

— Фиксация шлейфа, — ровно произнёс Марк, хотя его пальцы на панели управления на секунду замерли. — Тип аффекта: иррациональное чувство безопасности. Не подлежит котировке на бирже из-за отсутствия практической ценности. Код утилизации: три нуля. Подготовить к стиранию.

Он смахнул файл в корзину печи. С каждым таким файлом внутри Марка что-то сдвигалось. Он занимался этим десять лет. Чужие, никому не нужные ошмётки любви к давно умершим кошкам, страха перед темнотой под кроватью, запаха старых книг — всё это годами оседало в его памяти, вытесняя его собственные воспоминания. Он помнил первый

поцелуй тридцати разных женщин. Он помнил, как тонул в пяти разных реках. Но если бы его спросили, как звали его собственную мать, его имплант выдал бы системную ошибку. Чужое тепло физически вытеснило его личную геометрию.

Марк потянулся к следующему файлу в очереди. Входящий контейнер из отдела эмоционального аудита. Маркировка: «Срочно. Изъято из Сектора 7, Нижний Город. Лог 01».

— Лог номер сорок, дробь десять, — монотонно надиктовал он. — Запускаю...

Титановые иглы на висках потеплели. Дешифратор выдал длинный, вибрирующий гул, который Марк услышал не ушами, а костями черепа.

Экран перед ним не просто замигал — он выдал сплошную багровую полосу. По матовым стенам бокса прошла едва заметная дрожь, словно где-то на сотом этаже шпиля провернулся гигантский ржавый вентилятор.

Марк закрыл глаза, готовый принять очередную дозу чужого мусора. Но вместо картинок, вместо запахов или чужих лиц, его мозг встретил... вакуум.

Там не было асфальта, не было трамваев, не было лиц. Была абсолютная, свинцовая, удушающая тишина. Но это была не та стерильная тишина бокса, к которой он привык. Это была плотная, вибрирующая пустота. Она давила на его ментальные фильтры с такой силой, словно кто-то пытался за-

гнать океан в пластиковую ампулу.

И вдруг сквозь эту свинцовую пустоту Марк услышал звук.

Это не был человеческий голос. Это был низкий, утробный, инфразвуковой гул частотой 7,83 Гц. Частота, от которой мгновенно, каскадом начали отключаться фильтры его собственного импланта стабильности. Зелёный индикатор на его виске лихорадочно замигал, меняя цвет на предупреждающий жёлтый.

Гул нарастал. Он шёл не из файла. Марк с ужасом осознал, что дешифратор поймал какую-то тектоническую частоту, которая вибрировала прямо под фундаментом СЭБ. В этом звуке не было информации. В нём было накоплено столько сырого, нефильТРованного, запрещённого законом человеческого горя, что Марку показалось, будто стены бокса 229 сейчас начнут складываться внутрь.

«Это Полдень-0, — вспыхнула в его голове чужая, а может быть, его собственная мысль. — Оно не закончилось. Оно просто ждёт под землёй».

И в самую кульминацию этого инфразвукового давления, когда из его носа на стальной пульт управления упала первая, тяжёлая капля крови, система дешифратора выдала критическую ошибку.

На экране загорелись три строчки, которые заставили младшего специалиста четвёртого эшелона впервые за десять лет открыть рот без приказа алгоритма:

«Внимание. Обнаружена зеркальная аномалия».

«Нейросигнатура остаточного слепка: 100 % совпадение с оператором».

«Имя владельца изъятого воспоминания: Марк».

Марк смотрел на экран. Его имплант на виске горел ядовито-красным, процессоры в черепе закипали от перегрузки, но он не чувствовал боли. Он смотрел на багровые буквы. Файл, присланный из трущоб Нижнего Города, содержал его собственное детство, которое СЭБ тайно вырезала у него десять лет назад, чтобы выдать ему взамен зелёный огонёк «Абсолютной стабильности».

В боксе 229 наступила мёртвая, звенящая тишина. Но Марк больше её не слышал. Он слышал, как глубоко под его ногами, под стоэтажной толщей бетона и неоновом глянце, планета медленно сжимает тектонические плиты — и впервые за десять лет этот гул звучал не как шум, а как дыхание, которое ждало его всю жизнь.

Глава 2. Зеркальная сигнатура детского дня

Багровая строчка на экране не исчезала: «Нейросигнатура остаточного слежка: 100 % совпадение с оператором».

Зелёный индикатор стабильности на виске Марка окончательно погас. Теперь чип пульсировал частым, ядовито-красным светом, посылая в лимбическую систему каскады аварийных предупреждений. Служба Эмоциональной Безопасности требовала немедленно изолировать повреждённый сектор памяти и нажать кнопку экстренного сброса. По протоколу СЭБ Марк должен был запустить форматирование файла. Если оператор натывается на собственное изъятое прошлое, он обязан стереть его, чтобы сохранить функциональность.

Но пальцы Марка зависли над нефритовой сенсорной панелью.

В звуконепроницаемом боксе 229 тишина стала жидкой, удушливой. Марк слышал, как внутри его черепа, в такт красному пульсу импланта, раздаётся тонкий, металлический писк: И-и-и-и. Так свистели перегруженные транзисторы нейроинтерфейса.

— Оператор Марк, — проговорил он в мертвенно-белый микрофон. Голос больше не был плоским, в нём появилась

чужая, неcodируемая дрожь. — Отклонение от протокола 12-Б. Запрашиваю... ручную дешифрацию зеркального лога.

Терминал ответил сухим, автоматическим отказом. Экраны трижды мигнули фиолетовым: «Доступ заблокирован. Уровень авторизации недостаточен. Риск ментального коллапса: 94 %».

Марк не убрал руки. За десять лет инвентаризации чужого мусора он научился обходить алгоритмы не потому, что был бунтарём, а потому, что слишком хорошо изучил их анатомию. Он знал: СЭБ не идеальна. Она построена на логике эффективности, а логика эффективности пасует перед чистым, нерациональным упрямством.

Он потянул за тяжёлый титановый обруч дешифратора на голове, слегка сдвигая его назад — так, чтобы иглы нейропрокола вышли из стандартных пазов лимбической системы и вошли в зону «сырых», неотфильтрованных токов коры. Это было смертельно опасно. Кустарный нейрохакинг прямо под камерами СЭБ.

В глазах Марка мгновенно вспыхнули тысячи белых искр. Вкус крови во рту стал невыносимо острым — инфразвуковой гул Земли на частоте 7,83 Гц, который он поймал минуту назад, теперь ударил по его оголённым рецепторам с силой гидравлического пресса.

Но багровая блокировка на экране дрогнула. Символы поплыли, превращаясь в чистый код. Марк нажал сенсор «Принудительное воспроизведение».

...Вспышка. Белый, режущий глаза свет.

Марку семь лет. Он сидит на скрипучем деревянном полу в комнате, которой не было в его официальном корпоративном резюме. На стене — старые, чуть отклеивающиеся обои в мелкий цветочек. Окно открыто настежь, и сквозняк в комнату врывается огромный, живой, нефильтрованный мир Верхнего Города — тогда ещё не упакованный в свинцовые завесы. Из окна пахнет сиренью, пылью и грозой.

На полу лежит солнечный зайчик. Большой, дрожащий, идеально круглый. Марк протягивает к нему маленькую, грязную ладошку, пытаясь поймать этот осколок света. И внутри него разворачивается такое колоссальное, концентрированное чувство абсолютной безопасности, какого не существовало ни в одном элитном патче «Гражданской гордости» на бирже.

Но самое страшное было не в зайчике.

В углу комнаты, в тени, сидел человек. Марк не мог разглядеть его лица — оно было размыто алгоритмом удаления, превращено в серое, безликое пятно. Но человек двигался. Его движения были механически выверены, безупречны. На его виске ровно и спокойно горел зелёный огонёк импланта.

Человек протянул руку, в которой был зажат массивный, старый инжектор СЭБ — ещё первой, экспериментальной модели. Он подошёл к семилетнему Марку со спины. Мальчик не оборачивался, он продолжал улыбаться солнечному зайчику на стене.

— Это ради твоей безопасности, — раздался из серого пятна тихий, абсолютно лишённый интонаций голос. — Город орёт слишком громко. Скоро Полдень-0. Ты должен перестать слышать.

Марк почувствовал, как холодный металл инжектора прижался к его детскому виску. Короткий, шипящий выдох пневматики.

Солнечный зайчик на стене мгновенно погас, превратившись в серое, грязное пятно.

Щёлк.

Марк открыл глаза в боксе 229.

Он тяжело, со свистом дышал. Из его левого уха и носа на пластиковый пульт Департамента медленно текли тонкие струйки тёмной крови. Его собственный имплант на виске больше не мигал красным. Он... заткнулся. Светодиод полностью погас, превратившись в мёртвую, серую каплю пластика, вживлённую в череп. Ментальный фильтр СЭБ был физически выжжен изнутри этой пятисекундной дозой подлинного детства.

Марк посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

Вместе с выжженным имплантом из его сознания исчезла корпоративная стабильность. Но на её место не пришли паника или страх. На её место пришла оглушительная, ледяная, анатомическая ясность.

Он вспомнил этот голос. Голос из серого пятна в его воспоминании. Это был не голос его отца. Это был голос чело-

века, который десять лет назад подписал приказ о назначении Марка в четвёртый эшелон утилизации.

Это был голос Министра Эмоциональной Безопасности.

Система не просто изымала эмоции у должников. СЭБ тайно тасовала их между людьми, как колоду карт, выстраивая ложные жизни. Министр, главный в Верхнем Городе, когда-то тайно носил в себе это детство Марка, прежде чем сбросить его в трущобы Нижнего Города как токсичный мусор в Сектор 7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.